

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ МАНУФАКТУРЫ В РОССИИ XVIII века

Ф. Я. Полянский

Классики марксизма-ленинизма показали историческую роль мануфактуры как закономерной стадии в развитии капитализма. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали широкое использование принудительных форм эксплуатации в мануфактурный период и их большую роль в ходе «первоначального накопления». Исследуя историю русской промышленности крепостной эпохи, В. И. Ленин многократно отмечал феодальные влияния на нее, породившие «оригинальный строй» русской промышленности в дореформенный период. Ленин указывал, что промышленность Урала в XVIII в. выросла на базе крепостного права.

Историю русской мануфактуры нужно анализировать с точки зрения борьбы капитализма с феодализмом и конечной победы первого над вторым. Русская мануфактура развивалась на базе предпосылок, созданных предшествующим развитием России. В XVIII в. Россия располагала значительными капиталами, богатыми резервами сырья и минимально необходимыми для развития мануфактурной промышленности резервами рабочей силы, созданными отчасти предшествующим развитием го-

родского ремесла и особенно «кустарных промыслов» крестьянства. «Государственные крестьяне» не знали личной зависимости, и их миграция встречала только полицейские затруднения. Даже в крепостной деревне с расширением оброчной системы мануфактуристы находили нужных им рабочих. Мануфактура XVIII в. использовала экономические противоречия феодального поместья. Среди крестьянства, как и среди посадского населения, развивался процесс экономической дифференциации; массовый пауперизм отмечается на протяжении всего столетия.

К сожалению, проблема генезиса мануфактуры до сих пор не получила еще вполне правильного освещения в исторической литературе. Монография Е. И. Заозерской¹ содержит богатый материал и убедительно подтверждает многие положения, которые имеют существенное значение для исхода дискуссии о генезисе мануфактуры. На основе документального материала Е. И. Заозерская убедительно показала, что капиталистическая мануфактура возникла в России в петровское время с использованием купеческих капиталов и наемного труда на основе капиталистических тенденций мелкотоварного ремесла, формирования «всероссийского рынка» и проникновения купеческого капитала в промышленность. Материалы автора не оставляют сомнений в том, что генезис капиталистической мануфактуры в России носил обычный характер и был вполне закономерным. Лишь в дальнейшем крепостничество все больше просачивалось в экономический строй мануфактуры. В монографии раскрываются и аграрные предпосылки этого генезиса, поскольку существование государственных крестьян и оброчников (особенно монастырских, дворцовых) делало частично доступными для мануфактуры петровского времени крестьянские резервы рабочей силы. Посадское население в результате его экономической дифференциации давало капиталистической мануфактуре значительные массы рабочей силы. Роль дворянства и иностранцев в мануфактурной промышленности Москвы была ничтожной.

Вместе с тем Е. И. Заозерская пришла к выводу, что применение наемного труда в купеческих мануфактурах Москвы не дает основания говорить о наличии в России того времени системы эксплуатации наемных рабочих капиталистами. Нельзя не отметить, что автор монографии явно смешивает два совершенно различных вопроса: генезис капиталистической мануфактуры и строительство казенных заводов. Выдвигая казенное строительство на первый план, Е. И. Заозерская усматривает в нем существо генезиса мануфактуры. Между тем в распоряжении государства и ранее находились экономические ресурсы, позволявшие развивать казенное строительство. Еще в XV в. был построен Кремль, в XVII в. отлиты царь-колокол и царь-пушка. Строительство казенных мануфактур в XVIII в. находится само по себе за пределами проблемы генезиса мануфактуры; оно лишь ускорило формирование мануфактурной промышленности в России и возникновение капиталистического уклада.

Правильно критикуя измышления буржуазных историков об искусственности мануфактурной промышленности России XVIII в., советские историки не опровергли их еще полностью. В монографии Н. И. Павленко² наиболее слабым местом тоже является истолкование генезиса мануфактурного производства. Полемизируя с Е. И. Заозерской в историографическом введении, автор в позитивном разрешении вопроса стоит на одинаковой с ней позиции и выдвигает на первый план казенные заводы как вполне нормальное явление в истории мануфактурной промышленности России.

Неоднократно подчеркивая, что в строительстве первых металлургических заводов громадная роль принадлежала государству (стр. 51) и позднее государство выступало в качестве экономически наиболее мощного промышленника (стр. 87), автор трактует казенное заводостроительство как главный фактор генезиса мануфактурной системы. После издания Берг-Привилегии 1719 г. частное предпринимательство лишь продолжает казенное дело. Н. И. Павленко категорически возражает против тезиса об искусственном происхождении мануфактурной промышленности в крепостной

¹ Е. И. Заозерская. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М. 1953.

² См. Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М. 1953.

России. Однако сам он приходит к тому же выводу, демонстрируя казенный характер русской металлургии. Абсолютистское государство при такой трактовке вопроса выступает основоположником мануфактурной системы, а не побочным фактором, ускоряющим ее развитие. Мануфактура представляется как простая филиация феодального режима, на страже которого стоял абсолютизм.

Россия XVIII в. была страной крепостнической, абсолютизм и крепостничество скорее затрудняли выделение из крестьянства буржуазии, чем его пролетаризацию. Для России XVIII в. нивелировка крестьянства крепостничеством стала анахронизмом, поскольку оброчная система давала возможность эксплуатировать даже экономически обездоленного мужика. Эти резервы наемного труда и послужили исходной базой, социальной предпосылкой для развития капиталистической мануфактуры в России XVIII века. Мануфактуристы того времени очень широко использовали наемный труд. Генетически русская мануфактура, как и на Западе, была формой капиталистического производства. Границы территориального происхождения рабочих оказались очень широкими³. Всякого рода неуказные производители пользовались исключительно наемным трудом. Для овладения рынком рабочей силы мануфактуристы широко использовали ростовщичество, особенно на Урале. Формы найма носили подчас кабальный характер. На русских мануфактурах того периода широко использовался женский и детский труд. Русская действительность XVIII в. подтверждает положение Маркса, что уже в мануфактурный период эксплуатация женского труда капиталом достигает крупных масштабов. Массовым явлением было переманивание наемных рабочих; вербовка рабочих на предприятия Урала становилась иногда делом подрядчиков. Особенно острая борьба шла за квалифицированных рабочих, часто они переводились с одного завода на другой, новые промышленные районы вырастали при поддержке старых. Все больше увеличивалась роль ученичества как источника рабочей силы, повышался уровень квалификации мануфактурных рабочих, усложнялся их профессиональный состав.

Уже в XVIII в. процесс формирования постоянных рабочих зашел весьма далеко. Мануфактура имела ядро постоянных рабочих, которые играли в ней крупную роль. Поскольку крепостной режим России XVIII в. допускал развитие в известных пределах крупного капиталистического производства, формирование пролетариата становилось неизбежным. Гекезие рабочего класса в России, как и везде, неразрывно связан с развитием капиталистической мануфактуры. Социальный состав наемных рабочих русской мануфактуры XVIII в. был очень пестрым, среди них имелись посадские люди, солдатские дети, даже иммигранты⁴. Но главным поставщиком рабочей силы для мануфактуры являлось крестьянство. Беглый крестьянин находил себе убежище на мануфактурах. Классовые противоречия крепостной деревни облегчали для мануфактуристов разрешение проблемы рабочей силы. Русская мануфактура XVIII в. еще больше обостряла эти противоречия.

Больше всего мануфактуристы получали наемных рабочих за счет отходников. Деревенская беднота становилась существенно важным резервом рабочей силы для мануфактурной промышленности. Фискальная политика абсолютизма и оброчная эксплуатация крепостных гнали «в отход» даже крестьян «средней статьи».

Важно отметить, что петровская мануфактура ориентировалась больше на город, чем на деревню, поскольку в ту пору крестьянские резервы рабочей силы еще не пришли в движение. В 30-х годах XVIII в. степень пролетаризации новых рабочих была весьма высокой и мануфактура опиралась на уже сложившиеся отношения наемного труда, хотя потомство «фабришников» еще не играло большой роли. Не только московская, но и провинциальная мануфактура в то время опиралась преимущественно на рабочую силу посадского населения, кроме того, уже использовались помещичьи крестьяне. На Урале среди рабочих крестьянского происхождения помещичьих крестьян было крайне мало. В 40-х годах увеличивается удельный вес крестьян среди «новоприбылых» рабочих московских мануфактур⁵ и резко уменьшает-

³ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. Мануфактур-коллегии, оп. 9, д. 1331, лл. 9—88.

⁴ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. Берг-коллегии, кн. 686, лл. 186—189; ф. 259, кн. 4025, лл. 677—689.

⁵ ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 6, дд. 360, 370, 109, 119, 261, 125, 151, 189, 228, 314, 374, 413, 421, 433.

ся роль «солдатских детей». Помещичьи крестьяне все еще слабо были представлены среди рабочих крестьянского происхождения (на мануфактуре Савина в 1744 г. они составляли всего лишь $\frac{1}{10}$)⁶. Причиной этого было более широкое распространение оброчной системы в монастырских и дворцовых деревнях. На некоторых мануфактурах Москвы холостые рабочие в 50-х годах составляли 60%, и это отражало общие тенденции русской мануфактуры XVIII века. Холостые рабочие легче отрывались от феодального поместья, чаще выпадали из орбиты крепостной эксплуатации и оказывались достаточно работоспособными даже в условиях каторжного режима тогдашней мануфактуры.

В 60-х годах XVIII в. русская мануфактура добралась и до крестьянских резервов рабочей силы. Мануфактуры росли, как грибы, им не хватало уже посадских, цеховых мастеров, солдатских детей, поповских сыновей. Мануфактуристы ориентировались в большей мере, чем раньше, на эксплуатацию основной массы населения России. Новое заключается в том, что на мануфактуру пошли помещичьи крестьяне. На московских предприятиях они стали преобладающей рабочей силой⁷.

В изменении социального состава наемных рабочих в XVIII в. наблюдались две коренные тенденции: первая состояла в постоянном формировании «потомственно-го пролетариата» (рост удельного веса детей «фабришников»), а вторая — в том, что мануфактура все шире использовала крестьянские резервы наемного труда. Удельный вес горожан в составе наемных рабочих увеличивался медленно. Анализ покормежных писем показывает, правда, что многие рабочие московских мануфактур, считавшиеся крестьянами по своей сословной принадлежности, фактически уже давно были горожанами. В 1780—1781 гг. удельный вес горожан среди «новоприбылых» (наемных) рабочих московских мануфактур достигал 33,7%⁸.

В промышленности, подведомственной Мануфактур-коллегии, уже в 50-х годах XVIII в. наемный труд играл огромную роль, а во многих отраслях явно господствовал. Выборочная обработка полугодовых ведомостей показывает, что удельный вес наемного труда на мануфактурах этой категории в эти годы достигал 63,3%. Из 27 мануфактур, учтенных нами, 15 пользовались только наемным трудом, 3 работали с преобладанием наемного труда и 4 — с использованием его в тех или иных размерах без точного определения пропорций. Лишь на 4 мануфактурах эксплуатировался исключительно крепостной труд и на одной последний преобладал⁹.

Больше всего материалов о социальном составе рабочих сохранилось для 60-х годов XVIII века. Но историки, анализируя эти материалы, ошибочно ставили на одну доску производственное значение наемного рабочего, покупного и приписного крестьянина, а потому преуменьшали удельный вес наемного труда. На самом деле только 40% покупных крестьян работали на заводах и требовалось 12 приписных душ, чтобы заменить одного постоянного рабочего¹⁰. Кроме того, следует различать три вида приписки крестьян, которые можно назвать олонецким, уральским и московским. В Олонецком крае приписка крестьян означала преимущественно определение подушных денег на содержание заводов и лишь отчасти использование крестьян на заводской работе¹¹. Приблизительно 50 приписных крестьян давали Олонецким заводам одного рабочего. На Урале каждый крестьянин, на которого распространялась приписка, должен был отрабатывать на заводах свой подушный оклад. Поэтому каждые 12 приписных крестьян давали заводу одного постоянного рабочего. Здесь очень часто крестьяне переводились на заводы. Согласно правилам москов-

⁶ См. перепись 1744 г. (ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 4, д. 418, л. 21).

⁷ См. «Покормежные письма» «новоприбылых» рабочих московских мануфактур за 1765 г. (ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 4, дд. 795, 848, 862, 854, 855, 849, 800, 789, 791, 851 и многочисленные дела по описи 10).

⁸ См. «Покормежные письма» за 1780—1781 гг. (ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 13, дд. 970, 961, 993, 1008, 958, 973).

⁹ Там же, оп. 2, дд. 433, 156, 222, 224, 648, 988, 991, 871, 904, 924, 926, 1214, 1538, 1540, 1579, 1700, 1734, 1757, 1761, 1799, 1803.

¹⁰ Даже в разрешительных указах мануфактуристы обязывались половину покупных крестьян оставлять «при крестьянских работах» (ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 9, д. 591, л. 1).

¹¹ Исходной цифрой сенатский приговор 1725 г. брал сумму подушных денег, которые передавались Олонецким заводам, и, лишь исходя из нее, определял количество приписных (ЦГАДА, ф. 259, кн. 3591, л. 343—345).

ской приписки, отданные по указу или вечноотданные сразу становились заводскими крепостными и постоянными работниками. В данном случае мы видим соединенные крепостнических тенденций олонецкого и уральского типов¹², порождалась система заводского крепостничества.

В промышленности, подведомственной Мануфактур-коллегии, в 60-х годах численный перевес оставался за предприятиями с наемным трудом, но удельный вес последнего в общем числе рабочих оказывался более скромным¹³. В петербургской же промышленности преобладал наемный труд, составляя 66,7%. Господствовал он преимущественно на мелких мануфактурах, так как для мелких мануфактуристов крепостные резервы труда оставались недоступными. С учетом этих мануфактур наемный труд преобладал в промышленности России при Екатерине II. Но статистически этого доказать нельзя. Мелкие предприятия и рассеянные мануфактуры скупщиков властями не учитывались.

В целом статистическое решение вопроса об экономической природе русской мануфактуры XVIII в. пока не представляется возможным. Социальный состав рабочих был очень пестрым. В крупной промышленности принудительный труд крепостных крестьян играл огромную роль и часто господствовал. Но поскольку крупная промышленность развивалась на базе мелкой, а в этой последней безраздельно господствовал наемный труд, можно утверждать, что решающее значение оставалось за ним. Нельзя отождествлять русскую промышленность XVIII в. с одними лишь крупными привилегированными мануфактурами.

Не правы авторы, которые квалифицируют русскую мануфактуру XVIII в. только как крепостную (например, Туган-Барановский и др.) или, наоборот, как капиталистическую (акад. С. Г. Струмилин). Русская действительность XVIII в. была крайне мозаичной и не укладывается в эту альтернативу. Ожесточенная борьба капитализма с феодализмом сопровождалась попытками взаимного использования экономических резервов. Возникали очень сложные экономические формы, знающие мануфактуру капиталистическую, феодализованную или посессионную (частную и казенную), а также крепостную, или вотчинную.

Задача историков заключается в дифференцированном анализе экономической природы разных типов мануфактур. Формула старой историографии о крепостной мануфактуре явно устарела. Если мануфактура в России XVIII в. была только крепостной, ее генезис становится необъяснимым. Вместе с тем не могут быть поняты и динамические возможности этой мануфактуры.

Мануфактурная промышленность была новым явлением в экономической жизни России. Вопреки мнению Н. Рубинштейна, ее нельзя рассматривать как придаток феодального поместья даже в первой половине XVIII столетия. В условиях господства крепостничества для мощного развития капиталистической промышленности резервов наемного труда не хватало, но их было вполне достаточно для ее появления и для последующего «размножения» мануфактур капиталистического типа.

Темпы роста капиталистических мануфактур были крайне медленными, но, тем не менее, в экономической жизни России XVIII в. капиталистическая мануфактура завоевывала себе все большее место и вела борьбу с дворянской промышленностью. Применение капитала и эксплуатация наемных рабочих на базе товарного производства, несомненно, означали появление даже в условиях феодального окружения капиталистической мануфактуры. Монополия дворянства на эксплуатацию народных масс не была абсолютной, и мануфактуристы находили возможности для получения минимально необходимого количества рабочей силы. На протяжении всего столетия

¹² Поэтому бегство «рабочных людей» и учеников с московских мануфактур было массовым явлением (ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 4, д. 418, л. 5; оп. 7, д. 354, л. 1; д. 591, л. 1, 9, 10; оп. 8, д. 1071, лл. 1—3, 13—15; д. 1325, лл. 1—2).

¹³ См. полугодовые ведомости суконных мануфактур. ЦГИАЛ, оп. 2, дд. 448, 552, 454, 467, 470, 474, 477—498, 517, 521, 523, 524, 541, 587; полотняных мануфактур, оп. 2, дд. 151, 157, 158, 170, 168, 172, 175, 293, 225, 255, 256—258; шелковых мануфактур, оп. 2, дд. 641, 644, 657, 658—663, 666, 668, 670—681, 686, 691, 695—698, 700, 702, 704, 706, 713, 715, 717, 718, 725, 728, 730, 732, 743; мануфактур других отраслей, оп. 2, дд. 297, 298, 879, 905, 911, 924, 929, 931, 1411—1419, 1424, 1444, 1445, 1450, 1455, 1468, 1542—1548, 1552, 1553, 1579, 1582, 1583, 1661, 1662, 1673, 1674, 1706, 1709, 1732, 1805, 1830, 1834.

промышленные заведения «неуказных производителей» использовали только наемный труд. В сфере неуказного производства возникали простейшие формы капиталистической мануфактуры. На очень многих мануфактурах преобладал наемный труд, и они тоже могут быть отнесены к разряду капиталистических.

В. И. Ленин писал: «Разумеется, домашняя система крупного производства — капиталистическая форма промышленности...»¹⁴.

Рассеянная мануфактура получила широкое распространение в России XVIII века. До сих пор при подсчетах удельного веса наемного и крепостного труда это обстоятельство игнорировалось. Капиталистические мануфактуры существовали в России XVIII в. уже с петровских времен, позднее они стали массовым явлением. Однако радикальный перелом в социально-экономическом развитии русской промышленности по документам 40-х и 50-х годов не прослеживается, хотя в количественном отношении мануфактурная промышленность России в эти годы проделала настоящий скачок. Наоборот, при Елизавете скупка крепостных и раздача привилегий указным мануфактуристам достигли своего апогея.

К концу столетия капиталистическая мануфактура становится господствующей в текстильной промышленности (за исключением суконной). Мелкие же предприятия второстепенных отраслей еще в середине века эксплуатировали исключительно наемный труд. Поэтому протесты Злотникова, С. Г. Струмилина, Е. И. Заозерской и др. против квалификации мануфактурной промышленности XVIII в. как чисто крепостной следует признать основательными. Но их ошибка заключается в том, что они также ищут единую формулу для суммарного определения экономической природы всей мануфактурной промышленности России того времени. Формула о крепостной мануфактуре лишь заменяется тезисом о капиталистической мануфактуре. Между тем XVIII в. в истории России — это период генезиса капиталистической мануфактуры и капиталистического уклада, когда все находилось в движении.

На пути прогрессивного развития капиталистической мануфактуры стояло крепостничество. Последнее лимитировало ее рост, и в этом ярко сказывалась реакционность крепостного режима тогдашней России. Реформы Петра и поощрительные мероприятия его преемников в отношении мануфактурной промышленности не меняли, а лишь смягчали положение.

Обрастая привилегиями и поместьями, получая приписных или крепостных крестьян, мануфактура все больше теряла свой капиталистический характер. Тем самым ослаблялись капиталистические тенденции в мануфактурной промышленности России. Многие из того, что «шло на пользу» русской промышленности XVIII в., фактически задерживало развитие капиталистической мануфактуры.

Капиталистические мануфактуры XVIII в. были прежде всего купеческими. Мануфактуристы крестьянского происхождения на деле, как правило, являлись скупщиками. Это были так называемые «торгующие крестьяне».

Н. Л. Рубинштейн, отрицая роль указной промышленности XVIII в. в развитии капитализма и связывая судьбы последнего лишь с крестьянскими промыслами, фактически игнорирует господство крепостничества в русской деревне. Аналогичную ошибку допускает и И. Мешалин.

Не следует разрывать датировку мануфактурного периода и начало капиталистического уклада. В истории России, как и везде, они совпадают. Уже в петровские времена мануфактура становится массовым явлением; возникавшие тогда капиталистические мануфактуры олицетворяли развитие капиталистического уклада. Последний тоже следует датировать с Петра I. Экономический уклад может существовать и тогда, когда его удельный вес очень скромен.

Н. М. Дружинин относит начало капиталистического уклада и перелом в экономической истории России к 60-м годам XVIII века. Но перелом мыслим лишь как возникновение или победа капиталистического уклада. Ни того, ни другого в 60-х годах не было, а тем более в 40-х и 50-х годах. Капиталистический уклад возник при Петре I, а победил только при Николае I. Столетний период от возникновения до победы был заполнен ожесточенной борьбой между феодализмом и капитализмом в области промышленности.

¹⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 193.

Проблема экономической природы русской мануфактуры сводится участниками дискуссии к вопросу о социальном происхождении мануфактурных рабочих. Однако необходим еще анализ организации мануфактурного производства и форм эксплуатации рабочих разного происхождения. Кроме того, вопрос об экономической природе русской мануфактуры не связывается с ее экономическими функциями в конкретных условиях России XVIII века. Поэтому особенности, например, казенных заводов остаются невыясненными.

Слабой стороной дискуссии является и то, что внимание сосредоточивается на поисках капиталистической мануфактуры XVIII в., а между тем подлинные трудности проблемы состоят в определении экономической природы посессионной, или обремененной, мануфактуры, получившей наиболее широкое распространение.

В исторической литературе группировка мануфактур обычно производится по сословной принадлежности мануфактуристов. Такая группировка не выражает даже классовой принадлежности мануфактуристов, тем более экономической природы принадлежащих им мануфактур. Столбовому дворянину могла принадлежать капиталистическая мануфактура, а купцу — не только посессионная, но и вотчинная. Противопоставление же крестьянской мануфактуры купеческой вообще лишено всякого смысла. Крестьянская мануфактура в социально-экономическом отношении не отличалась чем-либо от капиталистической.

Единственно правильным будет противопоставление трех категорий мануфактур: капиталистической, феодализованной, или посессионной (причем в двух формах — казенных и частных заводов), и крепостной, или вотчинной.

Резервы наемного труда оказались недостаточными для столь значительного расширения мануфактурной промышленности и во многих отраслях. На протяжении почти всего XVIII в. мануфактуристы жаловались на то, что они не в состоянии обеспечить свои мануфактуры наемными рабочими. При использовании отходников мануфактуристам приходилось приспосабливаться к сезонности крестьянского и помещичьего хозяйства. Господство крепостничества и экономическая политика дворянского правительства усложняли проблему рабочей силы. Даже в 60-х годах промышленность страдала от недостатка рабочей силы, особенно на Урале. Недостаток наемных рабочих нужно признать одним из основных фактов экономической истории России XVIII века. В нем находили выражение основные противоречия экономической действительности, исторически неизбежное столкновение капиталистической мануфактуры с крепостным режимом страны. Монополия дворянства на эксплуатацию народа оставалась незыблемой, и в лице отходников мануфактуре доставались только крохи с господского стола. Процесс отрыва крестьянства от земли оказался в России более затяжным и болезненным, чем в Западной Европе. Во всяком случае, его темпы не вполне соответствовали масштабам накопления купеческого капитала. Последний уже в XVIII в. создавал огромные мануфактуры, а между тем процесс обезземеливания крестьянства запаздывал.

Массовое обезземеливание крестьянства в России относится к XIX в. и связано с развитием капитализма в сельском хозяйстве. Наоборот, обезземеливание крестьян в рамках феодального поместья XVIII в. сопровождалось очень часто их превращением в дворовых, месячников и лакеев. Экспроприация мелких земледельцев состояла не столько в их обезземеливании, сколько в потере инвентаря и рабочего скота.

Рост числа постоянных рабочих задерживался высокой смертностью, рекрутчиной. Полуголодное существование часто мешало созданию семьи. Проблема рабочей силы обострялась в России XVIII в. и в связи с своеобразной гигантоманией, а также географическим размещением промышленности, далеко не соответствовавшим территориальной концентрации населения. Горные заводы, например, строились на окраинах и в зоне колонизации.

Поскольку русским мануфактуристам XVIII в. не хватало наемных рабочих, они, естественно, обращались к разным формам принудительного труда. Правда, сановная бюрократия решительно отставала монополию дворянства на эксплуатацию крепостных. Разрешительные указы на заведение мануфактур ориентировали их владельцев

на использование наемного труда. Но в конце концов абсолютизм вынужден был пойти на уступки. Мануфактуристы получили право на принудительную эксплуатацию солдат, рекрутов, военнопленных, каторжников, раскольников, городских ремесленников, которые насильно отправлялись на казенные и частные заводы. Использование таких категорий населения не затрагивало существенным образом интересы абсолютизма и столбового дворянства.

Со времен Петра I Россия знала «кровавое законодательство», направленное против пауперов и бродяг. Особенность этого явления состояла в том, что пауперы на мануфактурах попадали в положение крепостных. Речь шла о закреплении значительной прослойки населения России, которое уже выпало из орбиты феодального поместья и не представляло какой-либо ценности для казны с фискальной точки зрения.

В 30-х годах XVIII в. огромное пополнение получила категория вечноотдачных мастеровых. Знаменитый указ 7 января 1736 г. превратил всех квалифицированных рабочих в фабричных крепостных¹⁵ и создал легальные предпосылки для закрепощения мануфактуристами наемных рабочих, учеников, пришлых людей всякого рода для насаждения «фабричного крепостничества». Дворянское государство содействовало развитию мануфактур, без которых оно не могло снаряжать свои армии, строить и экипировать флот, возводить боеспособные крепости, обеспечивать территориальный рост империи. Дворянство нуждалось также в промышленной продукции для личного потребления, особенно в предметах роскоши. В силу этого абсолютизм, оставаясь дворянской диктатурой, вынужден был со времен Петра I пойти на уступки в пользу мануфактуристов, но эти уступки делались только за счет народа.

Другая форма содействия государства заводчикам состояла в массовой приписке государственных и ясажных крестьян к мануфактурам для отработки их подушного оклада. Со времен Петра I такая приписка стала системой¹⁶. Фискальная эксплуатация подданной империи переносилась в мануфактуру и там слиялась с системой капиталистической эксплуатации. Однако эта последняя все больше перерастала в крепостническую, и симбиоз мануфактуры с фиском породил в истории России XVIII в. оригинальнейшее (в экономической истории мира) явление, а именно: посессионную, или обязанную, мануфактуру. Точнее ее следовало бы назвать феодализованной. Приписка крестьян была одновременно насильственной формой первоначального накопления. Она делала доступной для мануфактуристов рабочую силу основного класса феодальной России. Ее экономическое значение состояло в перераспределении рабочей силы в пользу крупной промышленности. В некоторых местах приписка распространялась не только на крестьян, но и на посадское население. В этом случае она наносила серьезный ущерб городам и экономически не оправдывалась тем перераспределением рабочей силы в пользу промышленности, которое имело место при приписке крестьян.

Территориальная разобщенность приписных крестьян и их яростное сопротивление приписке затрудняли экономическое использование приписной системы. Поэтому заводчики закрепощали приписных крестьян так же, как и наемных рабочих. Они переселяли их на заводы, превращая в постоянных рабочих фактически заводских крепостных. Приписка как система принудительного найма была лишь начальной стадией закрепощения заводских крестьян.

Наиболее радикальное решение проблемы рабочей силы русские мануфактуристы усматривали в приобретении крепостных. Это явление нельзя считать чем-то исключительным, свойственным лишь России. Капитализм повсюду не был такой антитезой принудительного труда, как это изображал Адам Смит или утверждают идеологи современного империализма. В России XVIII в. процесс использования экономических резервов крепостничества капиталистической мануфактурой зашел дальше, чем в других странах Европы, и в этом состояла его особенность. Мануфактуристы добивались доступа к первоисточнику богатств крепостной России, они хотели прорвать монополию дворянства на даровой труд и прибавочный продукт крепостного крестьянства. Это затрагивало интересы дворянства, и абсолютизм проявлял необычайную осторож-

¹⁵ См. ПСЗ, № 6858.

¹⁶ Согласно данным 1862 г., на горных заводах (казенных и частных) имелось 87 393 приписных крестьянина (ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1220, лл. 11—15).

ность и колебания в решении вопроса о закреплении крестьян за мануфактурой. Только Петр I обнаружил необходимую решительность и позволил купцам покупать крепостных к «фабрикам» и заводам. Это право действовало с переборами 40 лет, и вокруг него шла острая борьба между дворянством и купечеством. Победа осталась за дворянством, однако очень многим мануфактуристам удалось все же получить «крещеную собственность»¹⁷.

В 40-х и 50-х годах право на покупку крепостных получили даже мелкие мануфактуристы¹⁸, предприятия которых стояли на грани крупных мастерских. Мануфактуристы тянулись не только к почти даровому труду крепостных, но и к их земле. В отраслях промышленности, подведомственной Мануфактур-коллегии, фабриканты покупали крестьян почти исключительно с землей. Покупки крестьян без земли составляли только 8,5%¹⁹. Правда, нормы разрешительных указов далеко не использовались заводчиками.

Вместе с тем партикуляризация казенных заводов означала раздачу крепостных работников и приписных крестьян частным заводчикам. Чтобы использовать покупных крестьян достаточно интенсивно, заводчики переводили их в разряд постоянных рабочих, как и приписных крестьян.

Самым необычайным образом переплетались элементы капитализма и феодализма там, где они соприкасались. На грани взаимоотношений капиталистической мануфактуры с феодальным режимом в России XVIII в. возникали смешанные формы производства, представленные посессионной промышленностью и казенными заводами. За отсутствием другого термина их можно назвать феодализованными мануфактурами.

Посессионные мануфактуры были своеобразным явлением в экономической истории России, и у нас нет оснований относить их к разряду чисто капиталистических мануфактур (как это делает, например, Б. Яковлев)²⁰. Отмечая «оригинальный строй промышленности» на Урале феодальной эпохи, В. И. Ленин писал: «В основе «организации труда» на Урале издавна лежало крепостное право»²¹.

Историки русской мануфактуры XVIII в. могут теперь опереться на более точные данные о соотношении между вольнонаемным и принудительным трудом. Как показал С. Г. Струмилин, удельный вес вольнонаемного труда на мануфактурах был значительно большим, чем это предполагалось ранее²². Однако С. Г. Струмилину свойственна другая крайность. Он утверждает, что вся мануфактурная промышленность России чуть ли не с XVI в. носила капиталистический характер. Надо иметь в виду своеобразие развития товарного производства в условиях феодализма, оно вовсе не автоматически превращается в капиталистическое производство. В России XVIII в. не только мелкотоварное производство, но и самая мануфактура обслуживала феодализм. Автор неосновательно зачеркивает историю вотчинной мануфактуры. Вотчинная мануфактура имела широкое распространение и огромное значение (особенно при учете винокурен, мельниц, крупорушек). С. Г. Струмилин преувеличивает доказательность своих источников. Никто еще не обработал вотчинных фондов. Даже «Экономические примечания» рисуют совсем иную картину. Конечно, не следует переоценивать роль приписных крестьян (их было много, но работали они не круглый год). Однако вызывает недоумение утверждение С. Г. Струмилина, будто заготовка угля, добыча и обжиг руды, доставка на заводы, заготовка строительных материалов, сооружение заводов не являлись составной частью металлургического производства²³. В XVIII в. последнее на 80% сводилось к этим операциям.

¹⁷ См. таблицу 1769 г. о числе покупных крестьян в промышленности, подведомственной Мануфактур-коллегии (ЦГАДА, ф. XIX, разр. д. 40, лл. 208—212).

¹⁸ ЦГАДА, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 4, д. 399, лл. 1—17.

¹⁹ См. ведомость за 1752—1767 гг. (ЦГАДА, ф. 259, кн. 3832, лл. 632—645).

²⁰ «Вопросы истории». 1950, № 9.

²¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 424.

²² С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР. Т. 1, 1954.

²³ Там же, стр. 269.

Неверно также, что для посессионной мануфактуры крепостничество было чисто внешней формой, за которой всегда скрывалось капиталистическое содержание. На самом деле крепостничество глубоко внедрялось в самую суть этой мануфактуры. Нередко посессионные мануфактуры перерастали в вотчинные. Ярким примером является история Путивильской суконной мануфактуры Козьмы Матвеева. Сами Демидовы все больше становились вотчинниками.

Для подкрепления своей концепции С. Г. Струмилин избрал такую отрасль промышленности, в которой наблюдалось наибольшее влияние абсолютизма и крепостничества. Поэтому ему приходится казенные заводы демонстрировать как образцы капиталистической мануфактуры, хотя в экономическом строе этих заводов было больше феодального, чем в обычных феодализованных мануфактурах (купеческих по происхождению). Чисто капиталистические мануфактуры следовало искать в истории хлопчатобумажных предприятий, пивоваренных, солодовенных, кожевенных, кирпичных и др. заводов, а не в металлургии. Автор многократно повторяет, что заводы бывших кузнецов давали в середине XVIII в. более половины выплавки чугуна. Но сам же показывает, что Демидовы, Баташевы, Мосоловы обогатились на эксплуатации крепостных и расхищении богатств России при содействии абсолютизма. В этом ярко сказывалось влияние феодального режима. Мануфактуры указанных владельцев были посессионными, то есть феодализованными предприятиями. Их питало крепостничество. Игнорировать влияние последнего нельзя.

Развитие кустарной металлургии С. Г. Струмилин рассматривает как автономный процесс, игнорируя влияние феодального режима. Между тем эта металлургия обслуживала не только крестьянский рынок, но и дворянское поместье. Последнее мешало ее капиталистической эволюции. В изложении автора кустарная металлургия автоматически превращается в капиталистическую мануфактуру.

Тезис М. Н. Покровского сводился к тому, что крепостничество было лишь внешней формой капиталистического содержания. С. Г. Струмилин принимает этот тезис и прямо заявляет, что феодал может быть одновременно капиталистом, «не отказываясь от найма собственных крепостных». По его мнению, принудительный труд приписных и покупных крестьян на мануфактурах приводил не к феодализации последних, а к расширению «сферы действия капитала и капиталистической эксплуатации».

С. Г. Струмилин полагает, что, отвлекаясь от любых юридических надстроек и судя только по экономическому содержанию общественных отношений, свойственных русской промышленности XVIII в., следует все разновидности мануфактур (в том числе с крепостным посессионным трудом) признать капиталистическими «в самой их экономической основе». Поскольку путем эксплуатации оплаченного труда капитал извлекал прибавочную стоимость, С. Г. Струмилин утверждает, что в истории мануфактурной промышленности крепостной России наблюдалось лишь «своеобразие формы, а не содержания», «полуфеодалная оболочка мануфактуры XVIII в. была лишь формой». В частности, посессионная и вотчинная мануфактуры были, по его мнению, «феодализованными лишь по форме и капиталистическими по содержанию»²⁴. Он объявляет капиталистической даже вотчинную мануфактуру, которая в прежних его работах признавалась крепостной. Но, быть может, крепостничество было просто формой в посессионной промышленности? Однако сам автор опровергает это предположение, призывая, что и в середине и в конце XVIII в. половина работ в мануфактурной промышленности всех категорий выполнялась принудительным трудом. С. Г. Струмилин признает, что крепостничество приводило к усилению эксплуатации и стало одной из важнейших причин снижения заработной платы с середины XVII века. Заработки крепостных оказывались в два раза ниже заработков вольнонаемных. Крепостничество накладывало определенный отпечаток на формы организации труда, определяло способы эксплуатации посессионных рабочих. Не случайно именно последние больше всего бунтовали в XVIII в.; они эксплуатировались сильнее, чем даже наемные люди, и много страдали от деспотического режима посессионных мануфактур.

Трактовка крепостничества как простой юридической формы чужда марксизму.

²⁴ Там же, стр. 263—264, 268.

В. И. Ленин подчеркивал, что дореформенный Урал поднялся на базе крепостничества. Следовательно, последнее дало посессионной промышленности Урала огромные экономические возможности и не было чисто формальной оболочкой.

Достаточным критерием капиталистического развития С. Г. Струмилини признает получение прибыли, причем «независимо от степени юридической свободы рабочего и тех или иных форм его найма»²⁵. Но торговый капитал еще в условиях античности и средневековья приносил прибыль до всякого капиталистического развития.

Посессионные мануфактуры нельзя также квалифицировать и как чисто крепостные предприятия, отождествляя их с вотчинными²⁶. В экономической природе посессионной мануфактуры имелось много капиталистического, и этим она существенно отличалась от вотчинной или крепостной. Вечноотданные московских мануфактур были несомненно крепостными, но их личное крепостничество, близкое к рабству, не отражало экономических отношений феодального способа производства. Заводские крепостные XVIII в. были скорее дворовыми, чем обычными крепостными. Они получали заработную плату и не имели собственного хозяйства. Крепостничество как способ производства переносилось в посессионную промышленность лишь тогда, когда мануфактуристы покупали крестьян с землей и сохраняли их хозяйство. В этом случае посессионная мануфактура по своей природе приближалась к вотчинной или крепостной.

Посессионная мануфактура являлась воплощением экономических противоречий феодальной России. Двойственность ее экономической природы особенно ярко сказывалась в социально-экономическом положении и правовом статусе рабочих. Пресловутая крепость рабочих «фабрике», а не ее владельцу, о чем так много писали историки, фактически не вносила серьезных изменений в социальный статус заводских крепостных. Она ограничивала права мануфактуристов в пользу сановной бюрократии и подкрепляла монополию дворянства на эксплуатацию народа, но не изменяла природы личного крепостничества, характерного для посессионных мануфактур, и тем более не улучшала положения заводских крепостных. Факторы внеэкономического принуждения играли при этом огромную роль, экономическое положение рабочих людей оказывалось очень жалким. Наконец, двойственность экономической природы посессионной мануфактуры обнаруживалась в противоречивости социального статуса самого мануфактуриста и его предприятия. Полицейская опека, обязательность поставок и ограниченность собственности мануфактуриста на его предприятии отражали влияние феодального режима.

Особой разновидностью феодализованных мануфактур в России XVIII в. были казенные заводы, поскольку в экономической природе последних имелось значительно больше феодальных элементов и тенденций, чем в купеческих. Экономические функции их были, несомненно, феодальными, так как они служили промышленным и финансовым резервом абсолютизма²⁷. Противоречия, свойственные посессионной мануфактуре, воспроизводились на казенных заводах в еще более расширенном масштабе. Характерным для этих заводов является применение капиталов преимущественно фискального происхождения, необычайно широкое использование экономических резервов абсолютизма и крепостничества, эксплуатация каторжников, ориентация на казенные поставки и обслуживание нужд феодального государства, милитаризация заводов и водворение полицейского режима на них, крайняя бюрократизация управления.

Партикуляризация казенных заводов являлась не только результатом петровского меркантилизма, происков аннинских и елизаветинских фаворитов, пристрастия сановной бюрократии к фискальной эксплуатации промышленности. Она стимулировалась также борьбой двух форм мануфактуры, переживших разную степень феодализации, и углублением противоречий казенного варианта промышленности как более феодализованной. Победа оставалась в конце концов за капиталистическими тенденциями.

²⁵ Там же, стр. 260.

²⁶ См. А. Борисов. К вопросу о формировании капиталистического уклада в промышленности. «Вопросы истории». 1950, № 3, стр. 78, 83, 84.

²⁷ Раздавая в 1777 г. заказы частным заводчикам на изготовление военного снаряжения, правительство считало, что в случае несвоевременного их выполнения необходимо использовать производственные возможности казенных заводов (см. ЦГАДА, ф. XIX, разр. д. 68, ч. II, л. 189).

Как явление, двойственное по своей экономической природе, посессионная мануфактура в России XVIII в. отличалась необычайным нагромождением экономических и классовых противоречий. Противоречия, свойственные капиталистической мануфактуре, усложнялись влиянием крепостничества и приобретали чудовищные формы. Исключительно ярко они обнаруживались при вынужденной остановке производства, когда и сами мануфактуристы оказывались в трудном положении.

Все это и обусловило кризис посессионной системы к концу XVIII века.

К разряду подлинно крепостных можно отнести лишь вотчинные мануфактуры, существовавшие в дворянских имениях на базе феодального поместья. Будучи формой крупного производства, применявшего большие капиталы и использовавшего разделение труда, эти мануфактуры эксплуатировали барщинное крестьянство без выплаты заработной платы. Вотчинная мануфактура питалась соками феодального поместья и опиралась на экономические резервы крестьянского хозяйства. Она не нарушала основного принципа феодального способа производства, и определение ее социального статуса не должно, казалось бы, вызывать сомнений. Однако С. Г. Струмилин объявляет капиталистическими и мануфактуры вотчинного типа. При этом одним из аргументов служит ссылка на то, что даже владельцы рабовладельческих плантаций в Америке XIX в. были капиталистами²⁸. Однако нельзя считать рабовладельческие плантации капиталистической формой или низшей ступенью капитализма, как полагает С. Г. Струмилин. Исходя из того, что на разных ступенях развития капитализма степень свободы рабочих может быть неодинаковой, он делает вывод, что она вообще не может служить достоянным критерием для определения экономической природы различных типов предприятий». В заключении подобного рода нет логики. Если капитализм способен эксплуатировать народные массы в разных общественных условиях (при наличии пережитков рабства, крепостничества, земли у рабочих и т. д.), то это вовсе не значит, что он не нуждается в социальных предпосылках определенного характера. Сводить капитализм к «коммерческому духу» и присвоению прибыли — значит толковать его слишком превратно. В. И. Ленин показал, что пережитки феодализма мешали развитию капитализма в пореформенной России. Между тем С. Г. Струмилин снимает это противоречие пореформенной экономики со ссылками... на тексты В. И. Ленина и выдвигает тезис, что даже «полусвободный наем является уже переходной ступенью к капитализму».

Не подлежит сомнению, что социальный статус крепостных крестьян, оторванных от крестьянского хозяйства и обязанных работать на вотчинных мануфактурах, очень близок к положению дворовых. С. Г. Струмилин решительно отрицает это на том основании, что дворовые содействовали потреблению, а не производству. Спор, однако, идет о социальном положении мастеровых вотчинной промышленности, а не о характере результатов их труда. С другой стороны, хорошо известно, что дворовые занимались и производительным трудом. Так, в Англии XIII в. дворовые пахали господскую землю, пасли скот и т. д.

По мнению С. Г. Струмилины, выплата заработной платы всегда и при всех условиях свидетельствует о существовании капитализма, так как для феодализма она «является вовсе чужеродной» и без нее невозможна организация «крупного мануфактурного производства»²⁹. Но деньги, процент, прибыль, заработная плата, кредит и т. д. были известны задолго до возникновения капитализма. Последний лишь использует эти категории, вкладывая в них свое специфическое содержание. В средние века заработную плату получали цеховые подмастерья, королевские и городские чиновники, лица свободных профессий, наемные солдаты, иногда господские слуги. В тех условиях получение заработной платы вовсе не говорило о существовании капиталистических отношений. Лишь позднее, на базе капиталистического способа производства, заработная плата стала категорией капитализма и совершенно изменила свой характер. Поэтому признаком существования капитализма является не сама по себе заработная

²⁸ С. Г. Струмилин. Указ. соч., стр. 262.

²⁹ Там же, стр. 262, 267.

плата, а организация производства, система производственных отношений и свойственное капитализму распределение средств производства. Капитализм немислим без монополии буржуазии на средства производства, без тех социальных условий (формальная свобода и экспроприация продавцов рабочей силы), которые игнорируются С. Г. Струмилиным. Явление заработной платы может отражать и обычно отражает существование капиталистических форм производства, но далеко не всегда. В полемике об экономической природе мануфактурной промышленности России XVIII в. ссылки на выплату заработной платы являются крайне слабым аргументом. С. Г. Струмилин апеллирует к «феодалному правосознанию» XVIII в., с точки зрения которого все виды платного труда на казенных заводах являлись олицетворением труда наемного. Но и этот аргумент не убедителен.

Признаком вотчинной мануфактуры С. Г. Струмилин объявляет работу на рынок, отрицающая мануфактурный характер той дворянской промышленности, которая работала «на домашний обиход». Вместе с тем закрепощение крестьянства и расширение господской запашки в России с XVI в. он связывает с приливом серебра и революцией цен³⁰. Так, в духе «меново́й» концепции явления обращения признаются определяющими для сферы производства. Коренные сдвиги в последнем, даже экспансия крепостничества в России XVI—XVIII вв., выводятся из явлений обращения.

Данные об организации производства дают интересные показания об экономической природе мануфактуры. В частности, размещение мануфактурной промышленности в России XVIII в. показывает, что мануфактура тянулась в деревню³¹, поскольку преимущества города как торгово-промышленного центра обесценивались «градскими службами» мануфактуристов, солдатским постоем, земельной теснотой, просками конкурентов и купцов, дороговизной продовольствия и рабочей силы, всякого рода полицейскими ограничениями, массовыми эпидемиями и т. д. Мануфактуристы стремились использовать полударовой труд крепостных мужиков, а систематическая эксплуатация последних предполагала наличие у них земли и крестьянского хозяйства. Имели место даже случаи перевода мануфактур из города в деревню или из столиц в промышленные города, пригороды. Вместе с тем городские мануфактуры сочетались с ее деревенскими филиалами.

Таким образом, противоречия мануфактуры XVIII в. (экономические, классовые и т. п.) переносились из города в деревню. За счет резервов последней, за счет расширения ее земель и зверской эксплуатации народа мануфактуристы искали разрешения назревших противоречий. Тяга мануфактуристов в деревню обуславливалась чаще всего крепостными влияниями и тенденциями в экономической природе русской мануфактуры XVIII века. Конечно, этот процесс носил весьма противоречивый характер, некоторые мануфактуристы искали в деревне дешевых наемных рабочих, нужные запасы сырья, продовольствия и т. д., как то было на Западе. Но поскольку русская деревня XVIII в. оставалась крепостной, там вместо капиталистической часто возникала феодализованная или даже крепостная мануфактура.

Русский город XVIII в. являлся очагом технической культуры, источником редких видов сырья, рынком рабочей силы (особенно квалифицированной) и сбыта готовых изделий. В городах концентрировалась экономическая мощь страны, и прежде всего там получали промышленное применение крупные капиталы купцов.

Таким образом, сталкивались две тенденции противоположного характера. Своеобразная урбанизация промышленности, ее концентрация в городах, выражала капиталистические тенденции в экономической природе русской мануфактуры чаще и сильнее, чем перемещение мануфактурной промышленности в деревню. Русский город играл огромную роль в промышленном развитии страны, и «указная промышленность», подведомственная Мануфактур-коллегии, концентрировалась преимущественно на городской территории.

³⁰ Там же, стр. 347, 383.

³¹ См. таблицу 1766 г. о размещении мануфактур в городе и деревне. См. также таблицу об отраслевой структуре сельской промышленности Казанской губернии в 1798 г. (ЦГАДА, ф. 12/44, д. 65—213, л. 4).

Особенно сильной была концентрация «указной промышленности» в Москве. Текстильные мануфактуры петровского времени были прежде всего городскими и преимущественно московскими. Даже в условиях последующего рассеяния мануфактурной промышленности России по ее аграрной периферии мануфактуристы держались за Москву, которая являлась крупнейшим промышленным центром страны. Отсюда следует, что известная феодализация мануфактурной промышленности XVIII в. была вторичным явлением. Уже тогда эта промышленность располагала весьма крупными экономическими резервами, самая организация мануфактурного производства оказалась очень сложной. В частности, широкое распространение получили специализация и кооперирование заводов, а также комбинирование разных видов производства, особенно на Урале, хотя иногда возникали своеобразные конгломераты мануфактур, объединенных лишь единством заводоуправления. Кооперирование мануфактур порой являлось предпосылкой появления новых промышленных предприятий.

Правда, необыкновенно широкое использование подсобных заведений свидетельствовало не только о большой гибкости мануфактурной организации производства, о его капиталистических тенденциях, но и о натурально-хозяйственных тенденциях эпохи, органически свойственных крепостному режиму. Здесь мы вновь сталкиваемся с противоречивыми тенденциями в экономике мануфактуры, отражающими противоречивость ее экономической природы.

Столь сложная организация производства уже не укладывалась в рамках феодального поместья.

Довольно распространенным явлением были аренда мануфактур и сдача их на откуп. Аренда усиливала капиталистические тенденции в развитии мануфактурной промышленности и сама была их отражением. Сильное влияние на организацию производства оказывали формы сбыта продукции.

Во всей промышленности России крупные мануфактуры насчитывались лишь единицами в каждой отдельной отрасли промышленности, а более многочисленными были мануфактуры средних размеров. Мелкие предприятия представляли собой массовое явление. Очень часто мелкая мануфактура стояла на грани ремесла и лишь со временем превращалась в крупную. В России, как и везде, мануфактура, по выражению Маркса, первоначально отличалась от ремесленной мастерской лишь своими размерами. Однако крупные предприятия, несмотря на свою малочисленность, играли чрезвычайно важную роль в истории мануфактурной промышленности России. По своим масштабам они превосходили централизованные мануфактуры Западной Европы. Наличие в России XVIII в. централизованных мануфактур не вызывает сомнений, и домыслы «критиков» Маркса (вроде Кулишера) решительно опровергаются историческими фактами. В России переход от ремесла к фабрике шел через мануфактуру, и в том числе централизованную. Если в появлении необычайно больших мануфактур в России XVIII в. сказывалась их капиталистическая природа, то в структуре, полномочиях и деятельности заводской администрации сильно отражались феодальные влияния. Об этом свидетельствует иерархический характер администрации, ее милитаризация и т. д. Для мануфактурной промышленности России того времени характерно широкое разделение труда, несвойственное феодальной организации труда. Не только на Западе, но и в России «мануфактура развивает иерархию рабочих сил, которой соответствует лестница заработных плат»³².

Помимо централизованной мануфактуры в России XVIII в. существовала рассеянная мануфактура. Последняя к концу столетия становится массовым явлением. Ее капиталистический характер не вызывает сомнений.

³² К. Маркс. Капитал. Т. I. Госполитиздат. 1955, стр. 357.